

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-4-1189-1215

УДК 811.161.1'27:316.7

Научная статья / Research article

Русский язык в глобальном лингвокультурном пространстве

В.Г. Егоров

РЭУ им. Г.В. Плеханова,

117997, Российская Федерация, Москва, Стремянный пер., 36

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет транспорта»,

127994, Российская Федерация, Москва, ул. Образцова, 9, стр. 9. ГСП-4

✉ korrka@mail.ru

Аннотация. По мере вступления планетарной цивилизации в качественно новую эпоху неизбежно нарастает диалектическое противоречие: «национально-культурное — глобально-универсальное». Очевидно, что в его разрешении не последнее место принадлежит языкам народов мира. Функционируя в интерактивном взаимодействии, языки мира формируют цивилизационное лингвокультурное пространство. Национальные языки всё более обретают, помимо функции, связанной с продвижением «мягкой силы», функцию транслятора культурного достояния народов и наций в глобальный культурный ландшафт. Цель настоящей статьи состоит в определении потенциала русского языка в мировом культурно-лингвистическом мейнстриме. При написании статьи использован широкий круг источников, в том числе материалы международных фондов и организаций, документы, характеризующие российскую и европейскую языковую политику, электронные ресурсы и научной литературы по проблеме. Помимо специальных и общенаучных методов в работе нашёл применение компаративный метод, позволивший спроектировать европейский мультилингвизм на логику статьи, раскрывающую механизмы глобальной лингвистической интеграции. В силу своих природных качеств русский язык обладает уникальным потенциалом адаптации к новой социальной реальности. Отечественный историко-культурный процесс обусловил неповторимые черты современного русского языка: особые коммуникационные свойства, обеспечивающие широкие потребности пользователей, включающих не только представителей русского этноса; образность, позволяющую передать все богатство культурного наследия России и способность презентации культурного достояния других народов. Цивилизационный потенциал русского языка во многом зависит от того, на сколько сохранится и приумножится его способность агрегировать национальные культурные ценности народов России и продвигать их в глобальный культурный процесс, что конечно, не означает встраивание в политически ангажированную иерархию «великих» и «периферийных» языков. Особая роль в поиске стратегии мультилингвизма как грядущего основополагающего принципа глобального мироустройства принадлежит Европейскому союзу, прокладывающему в этом направлении первые,

© Егоров В.Г., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

сопряженные с проблемами и сложностями шага. В статье предпринята попытка анализа релевантности избранных Европейским союзом инструментов реализации стратегической цели многоязычия. Первый опыт продвижения в направлении достижения этой цели свидетельствует о контрпродуктивности следования по пути лингвистического универсализма или культурного доминирования. Очевидно, что надежды на депривацию национально-культурных идентичностей и в лингвистическом пространстве демонстрируют свою несостоятельность. Глобализация как объективный процесс неизбежно обуславливает трансформации всех языков мира, в том числе русского языка. Однако понятно, что только изменения, обогащающие их, но не искажающие природный облик, совпадают с направлением культурной эволюции планетарной цивилизации.

Ключевые слова: русский язык, культурная интеракция, единство в многообразии, речевой источник информации, открытое информационное общество, европейский мультилингвизм

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2021

Дата приема в печать: 01.06.2021

Для цитирования:

Егоров В.Г. Русский язык в глобальном лингвокультурном пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 1189—1215. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-4-1189-1215

UDC 811.161.1'27:316.7

Russian Language in the Global Linguocultural Space

Vladimir G. Egorov

Plekhanov Russian University of Economics,
649, Stremyanny lane, 36, Moscow, Russian Federation, 117997

Russian University of Transport (МИИТ),
Room 1301, pp. 9, 9 Obrazcova Street, Moscow, Russian Federation, 127994

✉ korrka@mail.ru

Abstract. As the planetary civilization enters a qualitatively new era, the dialectical contradiction inevitably grows: “national-cultural — globally universal”. Obviously, in its resolution, not the last place belongs to the languages of the peoples of the world. Functioning in interactive interaction, the languages of the world form a civilizational linguocultural space. National languages are increasingly acquiring, in addition to the function associated with the promotion of “soft power”, the function of a translator of the cultural heritage of peoples and nations into the global cultural landscape. The purpose of this article is to determine the potential of the Russian language in the world cultural and linguistic mainstream. When writing the article, a wide range of sources was used, including materials from international foundations and organizations, documents characterizing Russian and European language policy, electronic resources and scientific literature on the problem. In addition to special and general scientific methods, the comparative method was used in the work, which made it possible to project European multilingualism on the logic of the article, revealing the mechanisms of global linguistic integration. By virtue of its natural qualities, the Russian language has a unique potential for adaptation to a new social reality. The domestic historical and cultural process has determined the unique features of the modern Russian language: special communication properties that meet the broad needs of users, including not only

representatives of the Russian ethnos; imagery that allows you to convey all the richness of the cultural heritage of Russia and the ability to present the cultural heritage of other peoples. The civilizational potential of the Russian language largely depends on how long its ability to aggregate the national cultural values of the peoples of Russia and to promote them into the global cultural process will persist and increase, which, of course, does not mean embedding into the politically engaged hierarchy of “great” and “peripheral” languages. A special role in the search for a multilingualism strategy as the upcoming fundamental principle of the global world order belongs to the European Union, which is paving the first steps in this direction, fraught with problems and difficulties. The article attempts to analyze the relevance of the tools chosen by the European Union to implement the strategic goal of multilingualism. The first experience of moving towards achieving this goal testifies to the counter-productiveness of following the path of linguistic universalism or cultural domination. It is obvious that hopes for the deprivation of national and cultural identities in the linguistic space also demonstrate their failure. Globalization as an objective process inevitably determines the transformation of all languages of the world, including the Russian language. However, it is clear that only the changes enriching them, but not distorting the natural appearance, coincide with the direction of the cultural evolution of the planetary civilization.

Keywords: Russian language, cultural interaction, unity in diversity, speech source of information, open information society, European multilingualism

Article history:

Received: 01.02.2021

Accepted: 01.06.2021

For citation:

Egorov, V.G. (2021). Russian Language in the Global Linguocultural Space. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(4), 1189—1215. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-4-1189-1215

Введение

Актуальность и постановка проблемы. Активно нарастающий объем глобальных коммуникаций составляет одно из доминирующих качеств современного цивилизационного мейнстрима. Возрастающее значение в сложной взаимосвязанности мира приобретает язык как инструмент формирования нового транспарентного информационного пространства. Очевидно, что язык в зависимости от значимости культурного потенциала, ключом которого он является, обретает общечеловеческое значение — источник архитектуры будущего мироустройства.

Сегодня правильнее говорить о языке как инструменте или факторе «умной силы» не только в связи с продвижением имиджа и культурой привлекательности наций и государств, хотя, конечно, его роль в этой сфере остается существенной, но и в контексте развития глобального сетевого пространства. Грядущая социальная реальность продуцируется слиянием культурных потоков, интеракцией их гуманистического основания, исключаяющей какие-либо иерархии и изъятия «периферийных» уровней. Место и роль языков, канализирующих традиционное культурное «наследство» в достояние глобализирующегося планетарного сообщества, определяются степенью их востребованности уже в сегодняшней социальной реальности. Заметные изменения роли

языка как средства речевой коммуникации обусловили научный интерес к этой проблеме.

Постепенное смещение акцента в содержании понятия «мягкая сила» на контент «умной силы» открыл новые коннотации и значительно больший простор для присутствия в ее инструментации языка [1. Р. 79; 2; 3; 4. Р. 245—281; 5. Р. 347—358]. Отражением этой метаморфозы стало появление множества работ, раскрывающих роль и значение языка как инструмента «мягкой/умной силы» [6—14].

Появились труды, исследующие место и роль русского языка в продвижении положительного образа России и ее культурных ценностей в глобальное пространство [15—21].

Увеличилось число публикаций, отражающих возрастающее значение языков в глобализирующемся планетарном пространстве [22—32].

Язык как фактор инклюзивности культурного пространства исследован в научном докладе М. Пасиковской-Шнасс Европейскому парламенту «Доступ к культуре в Европейском союзе» [33]. С точки зрения видения механизма в формировании будущего планетарного мультикультурного пространства представляют интерес статьи Дороты Часевской из Познанского университета [34] и Бесси Дендрино из Каподистрийского университета [35], посвященные европейской политике языкового многообразия.

Анализ пройденного пути в научном освоении темы стал основанием определения авторского исследовательского ракурса исследования. В настоящей статье ставится цель изучения адаптивности и потенциала русского языка в формировании глобального открытого общества и проблемных вопросов в европейском мультилингвизме, представляющем модель будущей планетарной интеракции культур и языков.

Источники и методы исследования темы. В статье использованы разнообразные источники, такие как базы данных официальных структур и информационных платформ, положения, содержащиеся в интервью, высказываниях, докладах политических лидеров.

Для анализа эмпирической базы использовались как общенаучные, так и специальные методы освоения источников.

Русский язык в современном мире

По числу говорящих на языке русский язык занимает восьмую строчку в мире (258 млн чел.) после английского, китайского, хинди, испанского, французского, арабского и бенгали.

Вместе с тем по степени распространенности в глобальном языковом пространстве русский язык уступает лишь французскому, английскому и индонезийскому. На каждого носителя французского языка приходится 3,5 говорящего на нем, английского — 3,3 и индонезийского — 2,9. Уровень распространения русского языка сопоставим с этим же показателем немецкого (на каждого носителя немецкого языка приходится 1,7 говорящих, на каждого носителя русского языка приходится 1,67 говорящих).

Таблица 1 / Table 1

Число говорящих на 12 ведущих языках мира [36—38]
The number of speakers in the 12 leading languages of the world

Место / Serial number	Язык / Language	Численность, млн чел. / Number, million people	Носители языка абс., млн чел. / Native speakers abs., million people	Носители языка, % к говорящим / Native speakers, % of speakers
1.	Английский / English	1268	379	29,8
2.	Китайский / Chinese	1300	1296	99,6
3.	Хинди / Hindi	637	422	66,2
4.	Испанский / Spanish	538	460	85,5
5.	Французский / French	277	77	27,7
6.	Арабский / Arabian	460	313	68,0
7.	Бенгали / Bengal	265	197	74,3
8.	Русский / Russian	258	154	59,6
9.	Португальский / Portuguese	252	221	87,6
10.	Индонезийский / Indonesian	199	68	34,1
11.	Немецкий / German	132	76	57,5
12.	Японский / Japanese	126	126	100,0

Цивилизационная миссия русского языка

У каждого языка (даже малого народа) имеется свой «самоценный» потенциал, утрата которого для человечества невосполнима. С потерей любого языка цивилизация утрачивает целый культурный полновесный пласт. В «Атласе языков мира, находящихся под угрозой исчезновения» ЮНЕСКО к исчезающим причислено 2464 языка. В список языков, функционирование которых находится в зоне риска, включены в том числе языки с несколькими десятками носителей [39]. Мир осознал и предпринимает большие усилия по недопущению исчезновения с лица планеты биологических видов. Однако утрата самобытной культуры народов, неотъемлемой частью которой является язык, не меньшая, если не большая, потеря для планетарной цивилизации.

Нельзя отрицать и того факта, что развитие языков, отражающее цикличность «взлетов и падений» наций и цивилизаций, одновременно воспроизводит степень их культурной экспансии, определяющей глобальный ландшафт в целом. Английский язык, будучи официальным языком огромной колониальной империи, обеспечил себе доминирование в мировом культурном процессе. При этом, став государственным в одном из бурно развивавшемся

«осколке» колониального пространства, в США, претендует на роль универсального. Благодаря колониальному прошлому Испании и Франции и их лидирующим позициям в мире в течение продолжительного исторического периода официальный язык и культура этих стран получили широкое распространение.

Связь истории колониализма с процессом культурной экспансии государств прямо указывает на необходимость учета имперского прошлого России. В первом приближении, безусловно, просматривается аналогия в определении факторов, обуславливающих языковую мобильность, в частности, в продвижении русского языка с языками других империй. Однако такая аналогия носит поверхностный, не отражающий существо этого явления подход.

Передовые колониальные державы, цивилизационный уровень которых прежде всего определяли достижения в обретении современного облика, стремились, в том числе средствами «культурного преобладания», привести вновь обретенные территории «к единому знаменателю», конечно, используя при этом собственный совершенный социокультурный стандарт. В отличие от западных стран политический режим России основывался на тотальном государственном доминировании (абсолютизме), укрепление которого являлось основной целью социально-экономической модернизации и приращения территорий. В этой связи испытывающее нарастающую нехватку средств для поддержания своего могущества самодержавие не стремилось перекроить колониальные окраины в соответствии с российским культурным кодом. Не в последнюю очередь такой подход администрации митрополии в организации дел на местах вызывал симпатию местной национальной элиты. Казахский просветитель Ч. Валиханов в «Записке о судебной реформе» даже упрекал российскую власть не за то, что та насаждала свои порядки, но радела за ислам. «Из всех инородческих племен, входящих в состав Российской Империи, первое место по многочисленности, по богатству и, пожалуй, по надеждам на развитие в будущем принадлежит нам — киргизам, — пророчески писал Валиханов. — Киргизский народ принадлежит к числу наиболее миролюбивых и, следовательно, к числу наименее диких инородцев русского царства... Сверх того, мы как потомки батыевских татар связаны с русскими историческим и даже кровным родством.

Судьба миллионов людей, подающих несомненные надежды на гражданское развитие, людей, которые считают себя братьями русских по отечеству и поступили в русское подданство добровольно, кажется, заслуживает большего внимания и большей попечительности в таких решительных вопросах, которые формулируются в шекспировское — быть или не быть...

Киргизы до вступления в русское подданство были мусульманами только по имени и составляли в магометанском мире особый суннитский раскол. Мусульманские законы никогда не были приняты киргизами и были введены в степень путем правительственной инициативы, вместе с бюрократическими прелестями внешних приказов.

Мы не знаем и не можем понять, что имело в виду русское правительство, утверждая ислам там, где он не был вполне принят самим народом» [40].

Такой характер «культурного преобладания» (по А. Эткину) продуцировал в Российской империи тип этнокультурной интеграции, при котором «единство, которое достигается не в единстве подобного, а в единстве многообразного и многоразличного» [41. С. 51].

В исторически сложившейся модели мультикультурности русский язык являлся не средством культурного доминирования, а интегратором социокультурного пространства, каковым в той или иной степени эффективности остается на постсоветском пространстве [42]. Мало того, собственно русский язык стал реципиентом заимствованных лексических единиц [43—44].

В конфигурации российского абсолютистского режима в рядах субалтерных слоев и групп оказалось все население как метрополии, так и колониальных окраин в равной мере. Мало того, интеллектуальная элита, к числу которой, безусловно, принадлежала славная плеяда русских литераторов, основных хранителей и творцов языка, черпала одинаково выразительные образы как в крестьянской глубинке, так и в юрте степняков. Именно поэтому в центре классической русской литературы оказалась судьба простого человека: русского хлебопашца, азиатского дехканина или номада. Говоря словами А. Эткина, «созданная авторами из высших классов, чья судьба иногда отличалась, а иногда повторяла судьбу их непривилегированных героев, эта литература стала постколониальной задолго до появления этого термина». Соответственно, русский язык помимо нациеобразующей функции в такой социальной практике выполнял роль коммуникатора и консолидирующего ядра; «новая парадигма вышла за пределы языка... и за пределы этнических различий» [45. Р. 391—392]. Преодолев в прошлом колониальное содержание «преобладания», русский язык и литература как его материальный носитель не утратили общечеловеческого значения и в современном мире. Выражаясь словами В.В. Путина, «русский культурный код развернут вовне» [46].

Развитие русского языка, в качестве социального скрепа народов, объединенных одним государством на протяжении длительного исторического периода, обуславливает его актуальную цивилизационную миссию транслятора культурного достояния народов всего постсоветского пространства, а нарастание интеграционных процессов и экономического сотрудничества открывает новую страницу лингвокультурной перспективы как российского народа, так и народов ближнего зарубежья.

Значение русского языка в быстро меняющемся современном мире отражают результаты исследования Института русского языка им. А.С. Пушкина, проведенного в 2020 году. Несмотря на то что по числу говорящих в мире русский язык занимает восьмую строчку, по своему статусу в международных организациях — четвертое место (является официальным для 15 из включенных в исследование 23 крупнейших международных организаций), второе

место по количеству сайтов в сети Интернет и пятое по числу научных публикаций в международных базах данных Web of Science и Scopus. На русском языке функционируют 79% сайтов Украины, 86,9% — Белоруссии, 75,9% — Киргизии, 84,0% — Казахстана, 79,6% — Узбекистана, 81,8% — Таджикистана [47].

Таблица 2 / Table 2

Языки по количеству организаций, в которых они являются официальными или рабочими [48. С. 10]

Languages by the number of organizations in which they are official or working

Место / Serial number	Язык / Language	Количество Организаций / Number of organizations
1.	Английский / English	23
2.	Французский / French	21
3.	Испанский / Spanish	19
4.	Русский / Russian	15
5.	Арабский / Arabian	14
6.	Китайский / Chinese	12
7.	Португальский / Portuguese	2
8.	Бенгали, индонезийский, хинди, немецкий, Японский / Bengali, Indonesian, Hindi, German, Japanese	0

Таблица 3 / Table 3

Языки по количеству сайтов в сети Интернет [48. С. 16]

Languages by number of sites on the Internet

Место / Serial number	Язык / Language	Количество Организаций / Number of organizations
1.	Английский / English	60,3
2.	Русский / Russian	8,6
3.	Испанский / Spanish	4,0
4.	Французский / French	2,6
5.	Немецкий / German	2,5
6.	Японский / Japanese	2,2
7.	Португальский / Portuguese	1,7
8.	Китайский / Chinese	1,5
9.	Арабский / Arabian	1,0
10.	Индонезийский / Indonesian	0,7
11.	Хинди / Hindi	0,1
12.	Бенгали / Bengali	0,02

Таблица 4 / Table 4

**Языки по числу публикаций в международных научных базах данных [49]
Languages by number of publications in international scientific databases**

Место / Serial number	Язык / Language	Количество Организаций / Number of organizations
1.	Английский / English	6 266 815
2.	Китайский / Chinese	96 933
3.	Испанский / Spanish	70 542
4.	Немецкий / German	55 911
5.	Русский / Russian	37 559
6.	Французский / French	37 389
8.	Португальский / Portuguese	24 750
9.	Японский / Japanese	9308
10.	Арабский / Arabian	242
11.	Индонезийский / Indonesian	6
12.	Хинди / Hindi	2
13.	Бенгали / Bengali	1

Таким образом, в силу своих природных качеств русский язык становится транслятором русских/российских культурных символов и смыслов в формирующийся постсовременный культурный уровень цивилизации.

В общественно-политическом и академическом дискурсах имеет место интерпретация глобальной универсальности, согласно которой развитие цивилизации неизбежно результируется в общепланетарную социокультурную идентичность, «преодолевающую» культуру, духовные традиции «локальных» субъектов миротворчества. По мнению сторонников такой позиции, «под непреодолимым напором объективной логики истории, работающей на глобализацию и всечеловечность, на образование единой общечеловеческой цивилизации, все социокультурные и духовные спецификации всех локальных цивилизаций уже в скором будущем будут преодолены. Конечным итогом такого преодоления станет образование единого во всех своих базовых проявлениях человечества — общечеловеческой цивилизации. Считается, что в этом направлении работают все интегративные процессы современности» [50. С. 442].

Однако вряд ли правомерно предполагать в таком упрощенном сценарии направление гуманитарной глобализации, также как и малопродуктивно представлять ее таким образом, что новый облик планетарной цивилизации может продуцировать культура одной, даже самой передовой нации или государства. Постсовременность и ее культурное пространство видится как единство интерактивного многообразия, не исключающего и не иерархизирующего сущности и субъекты цивилизационного процесса. Русский язык в этом сложном единстве, в силу своих природных качеств и богатства российской/русской

культуры, носителем которой является, обретает функцию ее транслятора и проводника. Имея в виду то, что грядущее единство будет представлять собой диалектическую сложность глобального и локального, планетарной культурной общности и национальной духовной идентичности, русский язык, оставаясь живым организмом, продолжает развиваться и обогащаться внутри последней, являясь «творением нации» и превращаясь «в силу, творящую нацию». По словам В.В. Путина, «для нашей страны русский язык — много больше, чем средство общения. Он объединяет все народы России, является основой нашей национальной идентичности, нашим великим наследием, уникальным по своей образности, четкости, меткости, выразительности и красоте» [51].

Таким образом, русский язык в современной социальной практике становится основанием двух диалектически противоположных трендов: материальным носителем развивающейся национальной культуры, которым традиционно является, как и любой другой язык мира, и источником общечеловеческой культурной целостности, проявляющейся по мере продвижения по пути к постсовременности.

Русский язык в современной системе координат

Потенциал русского языка в архитектуре глобальной постсовременности обусловлен и во многом зависит от успеха его адаптации и развития в условиях нарастающей динамики культурного процесса.

С этой точки зрения особую актуальность приобретают две основные проблемы: во-первых, сохранение за русским языком статуса агрегатора национальной духовной культуры в целом и, во-вторых, укрепление его позиций в приумножении русских/российских традиционных ценностей.

Современная культурная среда характеризуется разнообразными, а порой расходящимися в ориентирах новациями. В отсутствие объединяющего начала такая инкреция внутри национального духовного пространства может привести к его неконструктивному структурированию, иерархизации, появлению инородных, выходящих за рамки идентичности образований. Такое нежелательное развитие событий возможно прежде всего в молодежной среде, где легко укореняются всякого рода субкультуры: хипстеров, ванилек, халлю, готов, эмо, геймеров, фриков и т. п.

Вторая задача, которую решает русский язык, представляется не менее важной, а именно: таргетирование его развития в рамках традиционных символов и смыслов и прежде всего воздвижение культурных барьеров на пути проникновения в национальный культурный организм лингвистических единиц, неоправданно подменяющих имеющиеся русские слова. Волна такой языковой метаморфозы нарастает по мере информатизации социального пространства. Массовое распространение получают слова из «новояза», которые не только заменяют доступные слова национального языка, но становятся понятными только для определенного круга его носителей. В период пандемии

расхожими фразами стали: «паблик-ток инфлюенсеров онлайн», «отфидбечить и засинькаться», «зумиться» и т. д. По подсчетам экспертов, только за последние три года в русский язык вошли 329 заимствованных слов в 12 важных сферах жизненного пространства, причем 23,5% из них — в сферу образования (менторство, коуч, тренинг, тьютер и т. д. — всего 77 слов). На втором месте по числу привнесенных слов сфера торговли и услуг (аутлеты, бонусы, барбершопы, паркинги и т. д.), на третьем — общественная среда с хейтерами, тиктокерами, комьюнити и эйджизмом и на четвертом — информационная сфера (апгрей, интерфейс, копирайт, юзабилити и т. д.) [52].

Трансформация культурного ландшафта, отражающая глобальные тренды, безусловно, требует некоей навигации, выстраивания стратегических ориентиров в «бурливом море перемен», в том числе в языковой сфере. Создание культурной «лоции» является обязанностью государства, которое не запретом, но выстраиванием верных ценностных ориентиров прокладывает направление развития, предполагающее сохранение национальной идентичности.

Отрадно, что социологи отмечают «возврат русской речи к литературной норме», что свидетельствует о культурной «реинкарнации» россиян после безвременья 1990-х годов [53].

Отсутствие внятных ориентиров в развитии языка, как правило, ведет к редуцированию культурного пространства его функционирования. Риски снижения лингвистического потенциала культурной привлекательности страны нарастают в современной переходной эпохе, когда все сферы общественной деятельности становятся объектом острой конкуренции. Доходящее до прямого противоборства соперничество в сфере культуры и языка актуализируется в связи с тем, что по мере продвижения планетарной цивилизации к качественно новому состоянию, фундируемому информационно-коммуникационной революцией, обусловленность языкового доминирования материальным и военно-политическим статусом государств утрачивает прежнее значение. Стремление мировых центров силы удержать человечество в «лоне» собственного культурного ареала неизбежно порождает активную политику продвижения собственного языка. Кроме того, в грядущей информационной эпохе язык как средство речевой коммуникации и носитель главного источника развития — информации, приобретает исключительное значение. Одним словом, язык не только сохраняет, но и наращивает свои возможности в артикуляции и продвижении культурных предпочтений.

В этой связи русский язык может служить как инструментом продвижения российских ценностей, так и, напротив, средством купирования привлекательности страны. Показателен пример с образом России, представленным авторами популярного учебника «Поехали» для изучающих русский язык иностранцев. В многократно переиздаваемом учебнике в качестве российских символов упоминаются: пьянство, тотальная коррупция, всемогущая мафия, русские холода, опасность территориального перемещения, диктаторская власть и т. п. [54]

Напротив, благодаря усилиям официальных структур США английский язык в современном мире является одним из действенных механизмов обеспечения американского лидерства. Прочно вошло в академическую лексику выражение «глобализация американского английского языка» [55].

Распространение французского языка в мире является предметом деятельности неправительственной организации «Альянс Франсез», аффилированной с Министерством культуры Франции и имеющей поддержку правительства [56. Р. 111—112].

Интерес к русскому языку в мире, помимо прочего, поддерживают русская литература, театр, искусство. Ассоциация деятелей русского театра включает 140 участников из 40 стран. Иностранцы студенты творческих вузов изучают русский язык с тем, чтобы понять «русскую душу». И имеют место совсем курьезные случаи: например, 90-летняя англичанка Мэри Хобсон 30 лет учит русский язык для того, чтобы прочитать в оригинале «Войну и мир», «Горе от ума», «Евгения Онегина» [57].

Европейский союз как модель глобальной языковой интеграции

С точки зрения предполагаемых направлений языковой глобализации особую актуальность приобретает модель европейского многоязычия.

Идея и правовая норма языкового многообразия ЕС заложена ст. 3 Договора о Европейском союзе (TEU), ст. 165 Договора о функционировании Европейского союза (TFEU) и Хартией ЕС, налагающей на объединение обязательство уважать языковое разнообразие (ст. 22) [58].

Таким образом, фундаментальная ценность интеграционного объединения в известной мере представляет собой проектное значение с точки зрения будущего планетарного культурного пространства, места и роли в его формировании национальных языков.

Однако внешне благополучная языковая ситуация в Европе на самом деле не лишена целого ряда проблем и противоречий. Несмотря на то что все языки государств, входящих в объединение, являются официальными языками ЕС, страны, составляющие центр Союза (Германия, Франция и до «брексита» Великобритания) как в политике и экономике, так и в языковой сфере составляют костяк лингвистических бенефициаров [59. Р. 9]. Существующие рекомендации относительно необходимости знания каждым европейцем двух иностранных языков помимо родного реализуются в пользу языков наиболее развитых и мощных стран. Кроме того, значительная разница в жизненном уровне населения стран центра и периферии неизбежно инициирует мощные миграционные потоки, меняющие языковой европейский ландшафт в сторону увеличения числа говорящих на языках стран «ядра».

Наряду с имеющими статус официальных в странах ЕС имеют место 60 коренных региональных, или языков меньшинств (баскский, каталонский, фризский и т. д.), на которых говорят более 40 млн чел. [59. Р. 10] Формально

имеющие равные права на развитие, эти языки испытывают депривацию функционального пространства [60].

Даже среди языков стран, занимающих лидирующее положение, в ЕС полностью не устранена иерархия их использования в официальных структурах. Если английский, французский и немецкий языки в Европейской комиссии имеют статус процедурных, на которых осуществляется повседневная деятельность, то итальянский и испанский являются «поддерживающими языками».

Некоторый дисбаланс в отношении изучения языков сложился и в европейской высшей школе. Наиболее востребованные, гарантирующие карьерный рост, обучающие программы ведутся, как правило, на английском языке. Зависимость карьерного потенциала европейцев от знания иностранных языков была отмечена в Заключениях Европейского совета 2011 и 2014 гг. [61]. Об этом же говорят данные социологического опроса, проведенного Евростатом в 2016 г. Согласно результатам исследования, доля знающих иностранный язык в возрастной группе европейцев от 25 до 34 лет составляет 73,3%, а в группе 55—64 года — 55,1%; доля знающих иностранный язык среди имеющих высшее образование на 35,4% превосходит количество знающих иностранный язык среди трудоспособных граждан ЕС [62]. Нацеленность прежде всего на изучение «основных языков» прослеживается и в европейском школьном образовании. По данным Евростата, 97,3% учащихся младших классов средней школы изучают в качестве иностранного английский язык, 33,8% — французский, 23,1% — немецкий, испанский, русский и итальянский, соответственно 13,6%, 2,7% и 1,1% [63]. Депутаты Европарламента отмечают, что граждане, знающие, например, только эстонский, чешский или датский языки, значительно ограничены в доступе к цифровым технологиям [64].

Современная языковая ситуация в Европе складывается таким образом, что, несмотря на заявленные стратегические цели сохранения многоязычия, значительная часть населения испытывает тревогу относительно утраты своего языка и, как следствие, утраты национально-культурной идентичности [65]. В этой связи в европейский повседневный лексикон входит понятие «языковой протекционизм» как общественного настроения, ориентированного на сохранение языковой самобытности объединенных этносов и народов.

Тем не менее даже в европейском академическом сообществе присутствует точка зрения, согласно которой сохранение многоязычия препятствует интеграционным процессам [66].

После того как Европейская комиссия прекратила финансирование «Платформы гражданского общества по поддержанию многоязычия», заботу о мультилингвизме взяла на себя НПО «Европейское гражданское общество за многоязычие» (ECSPM), которую активно поддерживает научное сообщество Европы. Эта организация «упорно работает над тем, чтобы сделать многоязычие приоритетом в повестке дня ЕС, полагая, что сплоченное

многоязычное общество занимает центральное место в европейском интеграционном процессе» [67].

Можно с уверенностью сказать, что объединенная Европа находится в самом начале трудного пути практической реализации подлинного многоязычия и культурного равенства народов, входящих в интеграционный союз. Понимая значительный разрыв между провозглашенным мультилингвизмом и социальной практикой, в которой языки европейских народов чувствуют себя по-разному, предпринимаются большие и малые исследования, направленные на поиск механизмов воспроизводства реального многоязычия. Осуществляются масштабные исследования: «Языковая динамика и управление разнообразием» (D.Y.L.A.N.); «Мобильность и включенность в многоязычную Европу» (M.I.M.E.); «Расширение европейского многоязычного опыта» (AThEME) и др.

Однако усилия в этом направлении пока не resultируются в скольконибудь ясное представление о движении по пути воплощения одной из центральных стратегий ЕС. На практике предпринимаемые шаги продуцируют некоторые паллиативы, такие как: производство субтитров для фильмов, выпускаемых на распространенных языках, перевод печатной продукции на языки малых народов, трансляцию документов европейских политических институтов на языки этнических меньшинств, создание условий для обучения в вузах на всех официальных языках ЕС и т. д.

После официально признанного провала европейской политики мультикультурализма в академическом и общественно-политическом дискурсах остается не заполненной внятыми стратегиями лакуна, связанная с культурной адаптацией нарастающей волны мигрантов из бедных стран. По данным Евростата, количество мигрантов в ЕС в 2018 г. составило 18,5 млн чел. Только в 2020 г. в Европу прибыло 1,3 млн беженцев [68]. В отношении этой категории «новых европейцев» не сложилось представление не только о их месте в европейском многоязычии, но и комплементарной модели социализации.

Пожалуй, единственным осязаемым достижением европейской политики мультилингвизма стал выработанный единый подход к шестиуровневому языковому образованию от низшего А1 к самому высокому С2 [69]. Многоязычие, заявленное как стратегическая цель ЕС, редуцировалось до «Рекомендаций Совета о комплексном подходе к преподаванию и изучению языков», согласно которым гражданам Союза желательно знать кроме родного два иностранных языка [70]. Однако и эта менее амбициозная задача пока не выглядит осуществимой в ближайшем обозримом будущем. Согласно данным Евростата, только половина граждан Европы способна говорить хотя бы на одном иностранном языке, только каждый пятый европеец говорит на двух языках кроме родного, и только один из десяти владеет более чем двумя иностранными языками [71].

Представляется, что политика внедрения лингвистической универсальности на основе наиболее распространенных языков, и прежде всего английского, мало соответствует заявленной стратегии многоязычия. Опрос, проведенный

Pew Research Center в 2019 году в 14 странах ЕС, показал, что по крайней мере 8 из 10 европейцев общаются дома на национальном языке, в том числе в Польше почти 100% населения, Греции — 98%, Италии — 96%, Словакии — 89%, Испании — 81%, Болгарии — 80%. Причем не употребляющие дома национальный язык говорят в быту на родном, а не на наиболее распространенном. Например, 2% граждан Германии разговаривают в семье на турецком, 1% — на арабском, 6% — на других родных языках [72].

Большой отрыв в изучении английского языка даже в отношении других основных европейских языков (количество обучающихся английскому языку в Европе намного превосходит совокупное число тех, кто изучает другие иностранные языки) [73] и продвижение английского лингвистического универсализма создает парадоксальную ситуацию в условиях выхода Великобритании из ЕС. Против засилья английского языка начиная с 2018 года в ЕС выступали президент Франции Э. Макрон, глава Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер, государственный секретарь по европейским делам МИД Франции Клеман Бон [74]. При этом по логике вещей после выхода Великобритании из ЕС английский язык не может являться одним из официальных языков объединения. Ссылка на англоговорящие Ирландию и Мальту не может быть основанием для сохранения его официального статуса, так как эти страны уже заявили в качестве своих официальных гэльский и мальтийский языки.

Русский язык в цивилизационном лингвистическом процессе

Русский язык, как и другие языки мира, представляющие собой живой организм или животворную субстанцию культурной организации идентичностей, испытывает влияние процессов глобализации (интеллектуализации мирового сообщества по Д. Беллу [75], «падения всех стен в мире» по Т. Фридману [76. Р. 6]). Оценка лингвистических трансформаций с точки зрения понимания существа самого мегатренда глобализации имеет неоднозначные коннотации. Определение глобализации как мегатренда предполагает ее закономерную основу, связанную с всеобщностью актуализировавшегося источника планетарного развития — информации, трансцендентного какой-либо локализации: в собственности, территории или суверенитете. В этом контексте, во-первых, значение языка как речевого инструмента коммуникации возрастает, а его функция выходит за пределы национальной идентичности; во-вторых, конструктивным (в связи с самооценностью каждого языка) может являться только комплементарное обогащение национального лингвистического пространства, а не его замещение.

Объективная взаимосвязанность мира используется международным капиталом, финансовая доминанта которого направлена на преодоление государственных, национальных и культурных идентичностей, и создает «видимую закономерность» универсализации культурнолингвистического глобального ландшафта, например, через сетевое качество английского языка как *Lingua franca*.

Соответственно указанным направлениям русский язык, как и в целом глобальное лингвокультурное пространство, испытывает воздействие объективных факторов, направляющих развитие в сторону формирования модели транскультурности, не исключающей идентификационного многообразия и субъективных, политически ангажированных сил, стремящихся унифицировать, гомогенизировать планетарный лингвистический ландшафт.

Вторая тенденция, активизирующаяся по мере нарастания международной конкуренции за сохранение мирового лидерства США, — одна из доминант общей стратегии «конца истории» (по Ф. Фукуяме). Научной рефлексией такого подхода стала концепция А. Свана, который предложил «устранить хаос в общей языковой системе мира» за счет имплементации центрального места английского языка в мире [77. Р. 35—40].

Английский язык по мере проникновения западной массовой культуры (в том числе виртуальной интернет-культуры) неизбежно «прорастает» в национальном лингвокультурном пространстве, проявляясь деструктивными «побегами», не только засоряющими, но и деформирующими живой организм, в том числе русский язык.

Сторонники «смягченной» позиции склонны видеть в сохранении английского *Lingua franca* исключительно его обслуживающую функцию всеобщего коммуникатора, приобщающего этнокультурные сообщества к глобальному целому [78. С. 12].

Однако такой редуцированный подход вряд ли может релевантно отражать лингвистические последствия взаимодействия, например, национального русского и доминирующего «международного» языка. В оценке такого «сожительства» напрашивается аналогия с вильсоновскими надеждами на устройство мира в соответствии с едиными нормами и правилами, разбившимися о противоречия, приведшими ко Второй мировой войне, или западными моделями демократии, претендовавшими на универсальность, но показавшими несостоятельность на незападной национальной историко-культурной почве.

Представление о культурной «автономизации» национального лингвистического пространства в условиях развивающейся функции монолингвизма английской международной коммуникации выглядит нереалистично. На преодоление негативных последствий преобладания в международном общении одного языка был направлен получивший первоначально широкое развитие проект Л.М. Заменгофа — универсального языка эсперанто, прерванного в 1950-е годы гегемонией США, активно продвигавших свой язык в качестве культурной доминанты [79].

Особого внимания заслуживает точка зрения, согласно которой знание английского языка становится частью «товара, предлагаемого клиенту» [80. Р. 59]. Владение английским языком презентуется в качестве дополнительной преференции экономической конкурентоспособности. Справедливости ради следует отметить, что в нынешней архитектуре глобальной экономики, «правила игры» в которой устанавливаются лидирующим центром, такие послы вполне оправданны. Вместе с тем все более проявляющийся

кризис мирового капиталистического хозяйства, о котором уже заявляют официальные лица Запада [81], ставит под сомнение указание на монетизацию английского международного монолингвизма.

Под влиянием двух уровней глобализации, как объективного, связанного с переходом планетарной цивилизации в информационную эпоху, так и рукотворного, инициированного гегемонией центров силы (прежде всего США) и финансового интернационала, оказываются все функции национальных языков: семиотическая — агрегирующая поток символов в этнокультурный этос, коммуникативная — расширяющая или сужающая возможность народа слышать себя и транслировать свой голос вовне и когнитивная — обеспечивающая обобществление глобального научного потенциала как внутри стран, так и в мире в целом.

Политически ангажированное выстраивание символов способно значительно корректировать или даже менять смысл системообразующих для этнокультурной идентичности лексических форм. Примером такой метаморфозы, отражающей вестернизацию российского лингвокультурного пространства, могут служить результаты опроса российского населения, осуществленного Центром исследований гражданского общества и некоммерческим сектором НИУ ВШЭ в декабре 2020 г. На вопрос «Что есть патриотизм?» 67% россиян ожидаемо ответили «любовь к Родине», но 26% заявили, что «патриотизм есть трата денег и времени на пользу общества» [82]. И это притом, что патриотизм заявлен в качестве консолидирующей идеи российской власти.

Природным качеством русского языка стало направление его развития от народных истоков и недифференцированность на язык «плебса» и элиты. Напротив, неиссякаемым источником, родником русской культуры и языка стало подлинно народное творчество. Негативной актуальной новацией русского языка стало появление его страты (в основном интегрирующей языковые формы, заимствованные из соответствующей западной лексики), обеспечивающей потребности верхних состоятельных слоев общества, которые существуют в «тренде», одеваются в «бренды», «креативные» по внутреннему миру, являющиеся частью «гламура».

Появление насыщенного заимствованиями «русского языка» «верхов» стало основанием выделения «субкультуры гламура» [83. С. 550—564]. При этом, как показали исследования Б.Д. Ходжельдыева и О.С. Шуруповой, более половины граждан, например, Липецкой области разных возрастов вообще не употребляют американизмов [84. С. 85].

Справедливости ради следует заметить, что последствия лингвистической глобализации могут быть вполне конструктивными. Языки мира взаимообогащаются, вбирая культурный опыт своих носителей. Было бы трудно представить современный язык без слов (давно не воспринимаемых как иностранные), прочно вошедших в отечественный лексикон в петровскую эпоху (например, ассамблея, коллегия, навигация и т. д.).

Из современных заимствований практически сравнялось с русским аналогом «доброволец» широко используемое слово «волонтер». Лингвисты говорят

о неизбежности использования специальных терминов, применяемых в информационных технологиях, таких как «онлайн», «вебинар», «стартап» и т. д., или новых экономических терминов: «ипотека», «банкомат», «терминал» и др. [85]

Безусловно, проблема трансформации коммуникативной функции русского языка далеко не сводится к социальному структурированию лингвокультурного пространства. Помимо этого, «мутация» языкового организма в соответствии с англоязычным информационным мейнстримом значительно ограничивает его потенциал в трансляции русского культурного достояния в глобальное лингвокультурное пространство.

Казалось бы, когнитивная функция русского языка под влиянием процесса глобализации, безусловно, позитивно расширяется. Отчасти положительная оценка трансформации языка как инструмента познания в связи с «падением железного занавеса» верна. Однако нарастающая интеграция русского языка в мировое научное пространство несет не только конструктивные результаты. Например, ведущие издания, индексируемые в базах Scopus и Web of Science, по большей части публикуют научные труды на английском языке. При этом текст статей, в случае их публикации на английском языке, особенно по гуманитарным дисциплинам, претерпевает существенное упрощение. В контексте рассматриваемой проблемы актуальной миссии русского языка в глобальном лингвокультурном пространстве особого внимания заслуживает присутствие политически ангажированных дискурсионных оценок, не только акцентирующих ситуацию с языком на негативных моментах, но и умышленно сводящим все «многоцветье» языкового процесса исключительно к негативной, не совпадающей с гуманистическим содержанием повесткой.

Так, представительница Эдинбургского университета Л. Рязанова-Кларк утверждает, что *доминирующим направлением развития русского языка в период президентства В.В. Путина стало нарастающее «языковое насилие» (словесное действие, наносящее духовную травму)* [86. Р. 264—290]. Позиция автора настолько политизирована, что вряд ли нуждается в научном обсуждении. На состоявшемся в ноябре 2019 г. Совете по русскому языку президент России специально высказался против наделения русского языка функцией культурного «оружия». *«С ним и так борются, но по другим соображениям. Да, это сила в известной степени — «мягкая» сила. Мне кажется, вполне достаточно»* [87], — заметил Путин.

Заключение

Русский язык, как один из наиболее распространенных языков мира, в силу своих природных качеств обладает высоким адаптивным потенциалом в актуальной глобальной социокультурной реальности, предполагающей формирование открытого информационного пространства, в котором все языки малых и больших народов, наций и государств как речевые носители

уникальных культурных ценностей не только сохраняют, но и обретают новое неповторимое наполнение. Процесс формирования будущего культурного многообразия не может выстраиваться с помощью какой-либо культурной детерминанты, а лишь продвигаться на основе комплементарной интеракции всех субъектов глобального культурного ландшафта.

Европейский союз, заявивший о достижении стратегической цели многоязычия, в этом смысле может представлять «пилотную модель» культурной интеграции. Однако необходимо заметить, что, несмотря на предпринимаемые усилия, Брюсселю пока не удалось, даже в концептуальном плане, нащупать пути реализации этой многосложной цели.

Библиографический список

1. *Armitage L., Nye J.* CSIS COMMISSION on Smart power. A smarter, more secure America. CSIS Center for strategic international studies. 2007.
2. *Wilson E.* III Yard Power, Soft Power, Smart Power. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0002716207312618?journalCode=anna> (дата обращения: 04.06.2021).
3. *Nye J.* Hard, Soft, and Smart Power. Oxford Handbooks. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199588862.001.0001/oxfordhb-9780199588862-e-31> (дата обращения: 04.06.2021).
4. *Gallarotti G.M.* Smart Power // *Journal of Strategic Studies*. 2015. 38 (3). P. 245—281.
5. *Podyapolskiy S.A.* “Soft Power” and “Smart Power” of Modern China // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2014. 2 (2014 7). P. 347—358.
6. *Rose R.* Language, Soft Power and Symmetrical Internet Communication // Oxford internet Institute. Research Report. 2005. № 7. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/228389167_Language_Soft_Power_and_Asymmetrical_Internet_Communication (дата обращения: 04.06.2021).
7. *Wilkinson B.* The Attraction of Language: Language, Soft Power and the Narrative Fallacy. Open University, 2013.
8. *Бояркина А.В.* Язык и культура Китая как эффективный инструмент «мягкой силы» в реализации внешней политики КНР // *Теория и практика общественного развития*. 2014. № 12. С. 115—117.
9. *Ковалевская Н.В.* Роль испанского языка как «мягкой силы» во внешней политике Испании // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2015. Т. 7. № 5. Ч. 2.
10. *Historical and social educational ideas*. 2015. 7 (5). Part 2.
11. *Пашаева Г.М.* Global English как универсальный транслятор «мягкой силы» // *Дискурс-ПИ*. 2017. № 3—4 (28—29). С. 108—114.
12. *Борта Ю.* «Мягкая сила». Лучший способ продвижения языка — диалог науки и культуры. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://aif.ru/society/education/myagkaya_sila_luchshiy_sposob_prodvizheniya_yazyka_-_dialog_nauki_i_kultury (дата обращения: 04.06.2021).
13. *Морозова Н.В.* Распространение китайского языка как источник «мягкой силы» КНР // *Вестник РГГУ. Серия: Политология, история, международные отношения, зарубежное регионоведение, востоковедение*. 2017. № 1 (7). С. 106—112.
14. *Жерновая О.Р., Смирнова О.А.* Язык как инструмент «мягкой силы» государства (на примере США) // *Вестник АГУ*. 2018. 4 (229). С. 200—206.
15. *Лунатов А.Т.* Русский язык на лингвокарте мира в условиях глобализации // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2010. № 4 (2). С. 600—603.
16. *Бовт Г.* Мягкая сила русского слова. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/myagkaya-sila-russkogo-slova> (дата обращения: 06.06.2021).

17. *Ардатова Е.В.* Продвижение позитивного образа страны в современных учебниках по русскому языку для иностранцев как составляющая «мягкой силы» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 7. С. 222—226.
18. *Косырева М.С.* Особенности развития русского языка в эпоху глобализации // История. 2017. № 28. С. 59—67.
19. *Малеев А.А.* Национальный язык как инструмент мягкой силы России // Политика и Общество. 2017. № 3. С. 143—148.
20. *Молодов О.Б.* Русский язык как инструмент использования «мягкой силы» в странах Центральной Азии // Дискурс-ПИ. 2017. № 1 (26). С. 93—100.
21. *Tildo A.* The Russian language as a soft power tool: the construction of national identity by the Kremlin. Estonian foreign policy institute. International Center for Defence and Security, 2018.
22. *Березовская О.М., Кирьянова Л.Г.* Тенденции этноязыковых процессов в условиях глобализации современного общества // Известия Томского политехнического университета. 2009. Т. 315. № 6. С. 144—148.
23. *Хосин К.Э.* Глобализация и русский язык // Оранский университет. Оран. 2014.
24. *Баско Н.В.* Развитие русского языка в условиях глобализации // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. М., 2014. С. 252—256.
25. *Буланов С.* Русский язык как способ освоиться в глобальном мире. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ruskiymir.ru/publications/187998/> (дата обращения: 14.06.2021).
26. *Кондрашкина Е.А.* Английский и русский языки в контексте глобализации // Грамота. 2016. № 7 (106). С. 39—43.
27. *Бурлаков И.И.* Влияние глобализации на русский язык // Язык и текст. Langpsy.ru. 2017. Том 4. № 4. С. 144—148.
28. *Одегова О.В.* Глобализация языка и культуры: специфика и место в системе глобальных процессов современности. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2017.
29. *Ходжагельдыев Б.Д., Шурупова О.С.* Русский с английским привкусом (развитие русского языка в эпоху глобализации). М.: Библио-Глобус, 2017.
30. Язык в глобальном контексте: современная языковая ситуация как следствие процесса глобализации. М., 2018.
31. *Дедкова Г.И.* Интернационализация языка в условиях глобализации: плюсы и минусы. Развитие языка в современном мире // Человеческий капитал. 2020. № 5 (137). С. 71—75.
32. *Кириллина А.* Глобализация и судьба языков // Литературная газета. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-i-sudby-yazykov> (дата обращения: 14.06.2021).
33. Access to culture in the European Union. European Parliamentary Research Service. European Union, 2017.
34. *Czyzewska D.* Challenges of multilingualism in the EU // Poznan University of Economics Review. 2014. 14 (3). Pp. 85—95.
35. *Dendrinos B.* Multilingualism language policy in the EU today: A paradigm shift in language education // Training, Language and Culture. 2018. 2 (3). P. 9—28.
36. *Ethnologue: Languages of the World.* [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.ethnologue.com/guides/ethnologue200> (дата обращения: 05.06.2021).
37. Министерство внутренних дел Индии. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.censusindia.gov.in> (дата обращения: 12.05.2021).
38. *Ghosh. I.* The 100 Most Spoken Languages Around the World. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.visualcapitalist.com/100-most-spoken-languages> (дата обращения: 12.05.2021).
39. Интерактивный «Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения». [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.unesco.org/languages-atllas> (дата обращения: 14.05.2021).
40. Духовные воззрения Чокана Валиханова. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.rusline.ru> (дата обращения: 14.05.2021).

41. *Козин Н.Г.* Россия. Что это? В поисках идентификационных сущностей. М.: Академический проект; Альма Матер, 2012.
42. *Егоров В.Г., Штоль В.В.* Русский язык — фактор интеграции постсоветского пространства // *Международная жизнь*. 2017. № 12.
43. *Сулейменов О.* Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. М.: Грифон, 2005.
44. *Хвостова А.* Тюркизмы в русском языке. Понятие, история появления, звучание и примеры. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://fb-ru.turbopages.org/fb.ru/s/article/432660/tyurkizny-i-v-russkom-yazyike-ponyatie-istoriya-poyavleniya-zvuchanie-i-prineryi> (дата обращения: 24.05.2021).
45. *Etkind A.* Internal Colonization. Russia's Imperial Experience. Polity Press, 2011.
46. *Владимир Путин.* Патриотизм — неотъемлемая суть нашего народа. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://ruskline.ru/news_rl/2014/04/17/vladimir_putin_patriotizm_neotemlemaia_sut_nashego_naroda/ (дата обращения: 24.05.2021).
47. *Бовт Г.* Мягкая сила русского слова. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/myagkaya-sila-russkogo-slova> (дата обращения: 07.06.2021).
48. Индекс положения русского языка в мире. Индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-индекс). Индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-индекс). Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. М, 2020.
49. Web of Scince Core Collection. [Электронный ресурс] Режим доступа: www.webofscience.com; Scopus. Режим доступа: www.scopus.com.
50. *Козин Н.Г.* Россия. Что это? В поисках идентификационных сущностей. М.: Академический проект. Альма Матер, 2012.
51. Путин назвал русский язык основой национальной идентичности. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ria.ru/20200606/1572564122.html> (дата обращения: 25.05.2021).
52. *Новоселова Е.* Вам русским языком говорят? // *Российская газета*. 2021. № 121 (8472).
53. Инстинкт самосохранения языка. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rusmir.media/2020/07/05/instinkt> (дата обращения: 11.06.2021).
54. *Ардатова Е.В.* Продвижение позитивного образа страны в современных учебниках по русскому языку для иностранцев как составляющая «мягкой силы» России // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2015. № 7. С. 223—224.
55. *Crystal D.* English as a Global Language Second edition. Cembriuge: Cembriuge University Press, 1997.
56. *Ahearne J.* French Cultural Policy Debates // Psychology Press. 2002. P. 111—112.
57. За интерес к русскому языку опять ответят Пушкин, Чехов и Чайковский // *Независимая газета*. 2021. № 107—108 (8158—8159). С. 2.
58. Fact Sheets in the European Union. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.europart.europa.eu/factsheets/en/sheet/142/language-policy> (дата обращения: 04.06.2021).
59. *Dendrinos B.* Multilingualism language policy in the EU today: A paradigm shift in language education // *Training, Language and Culture*. 2018. Volume 2 Issue 3. 2 (3).
60. EU Languages. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://europa.eu/european-union/about-eu/eu-languages_en (дата обращения: 07.06.2021).
61. Council of the Europe. Council conclusions on language competences to enhance mobility. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/educ/126373.pdf (дата обращения: 05.06.2021).
62. Eurostat Statistics. Foreign language skills statistics. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php> (дата обращения: 05.06.2021).
63. Eurostat. Which are the most studied foreign language? (% of pupils at Lower Secondary Level) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ec.europa.eu/eurostat/news/thenes-in-the-spotlight/language-learning> (дата обращения: 05.06.2021).
64. Multilingualism online: “Language barriers” are a major challenge”. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/headlines/economy/20180621STO06335/multilingualism-online-language-barriers-are-a-major-challenge> (дата обращения: 14.06.2021).

65. *Franke M.* Fact sheets on the European Union: Language policy. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.europart.europa.eu/factsheets/en/sheet/142/language-policy> (дата обращения: 04.06.2021).
66. *Kraus P.A., Kazlauskaitė R.* Addressing linguistic diversity in the European Union Strategies and dilemmas // *Ethnicities*. 2014. 14 (4). P. 517—538.
67. Информационный бюллетень. [Электронный ресурс] Режим доступа: www.ecspm.org (дата обращения: 04.06.2021).
68. Eurostat Statistics Explained. Migration and migrant population statistics. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Migration_and_migrant_population_statistics#Migrant_population:_almost_22_million_nonEU_citizens_living_in_the_EU (дата обращения: 04.06.2021).
69. European Commission. Proposal for a Council Recommendation on a comprehensive approach to the teaching and learning of languages. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-9229-2018-ADD-2/EN/pdf> (дата обращения: 14.06.2021).
70. In Europe, speaking more than one language is still a privilege. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.europeandatajournalism.eu/eng/News/Data-news/In-Europe-speaking-more-than-one-language-is-still-a-privilege> (дата обращения: 08.06.2021).
71. Europa. Eurostat. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Foreign_language_skills_statistics#Analysis_of_those_knowing_one_or_more_foreign_languages (дата обращения: 12.06.2021).
72. Pew Research Center. Speaking the national language at home is less common in some European countries. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/01/06/speaking-the-national-language-at-the-home-is-less-common-in-some-european-countries/> (дата обращения: 12.06.2021).
73. Most European student's learn English in school/Pew Research Center. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.pewresearch.org-tank/2020/04/09/most-european-students-learn-english-in-school/> (дата обращения: 12.06.2021).
74. Евроинглиш против многоязычия. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-55707678> (дата обращения: 12.06.2021).
75. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. [Электронный ресурс] Режим доступа: portal.fa.ru/www/kbhiab/data/store/ebe83253-9644-4f76-821c-1125273ba0ca/BellD._Gryaduschee_postindustrialjnoe_obschestvo.pdf (дата обращения: 12.06.2021).
76. *Friedman Th.L.* The Lexus and the Olive Tree. New York, 2000.
77. *De Swaan A.* Words of the World. The Global Language System. Cambridge, 2001.
78. *Одегова О.В.* Глобализация языка и культуры: специфика и место в системе глобальных процессов современности. Томск: Издательство ТГУ, 2017.
79. Esperanto, lingvo Internacia. [Электронный ресурс] Режим доступа: www.ethnologue.com (дата обращения: 07.06.2021).
80. *Fairclough N.* Discourse and Social Change. Cambridge: Polity, 1994.
81. Макрон заявил, что «капитализм деградировал и сошел с ума». [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.tass.ru> (дата обращения 07.06.2021).
82. Патриотизм: эмоции или действие? [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.hse.ru/news/science/> (дата обращения: 11.06.2021).
83. *Левонтина И.Б.* Заимствования в современном русском языке и динамика русской языковой картины мира // *Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. / Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012.*
84. *Ходжегельдыев Б.Д., Шурупова Л.С.* Русский с английским привкусом (развитие русского языка в эпоху глобализации). М.: Библио-Глобус, 2017.
85. Новые цифровые термины, как правило взяты из американского английского языка. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rusmir.media/2018/10/05/account> (дата обращения: 21.06.2021).
86. *Ryazanova-Clarke L.* Russian linguistic culture in the era of globalisation: A turn to linguistic violence. 2018. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.research.ed.ac.uk/en/>

publications/russian-linguistic-culture-in-the-era-of-globalisation-a-turn-to- (дата обращения: 21.06.2021).

87. Шимаев Р. «Мягкая сила», «пещерные русофобы» и альтернатива «Википедии»: о чем говорил Путин на заседании Совета по русскому языку. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://russian.rt.com/russia/article/684002-putin-sovet-russkii-yazyk-rusofobiya> (дата обращения: 07.06.2021).

References

1. Armitage, L. & Nye, J. (2007). *CSIS COMMISSION on Smart power. A smarter, more secure America*. CSIS Center for strategic international studies.
2. Wilson, E. III *Yard Power, Soft Power, Smart Power*. [Electronic resource] URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0002716207312618?journalCode=anna> (accessed: 04.06.2021).
3. Nye, J. *Hard, Soft, and Smart Power*. Oxford Handbooks. [Electronic resource] URL: <https://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199588862.001.0001/oxfordhb-9780199588862-e-31> (accessed: 04.06.2021).
4. Gallarotti, G.M. *Smart Power* (2015). *Journal of Strategic Studies*, 38 (3), 245—281.
5. Podyapolskiy, S.A. (2014). “Soft Power” and “Smart Power” of Modern China. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2, 347—358. (In Russ.).
6. Rose, R. (2005). *Language, Soft Power and Symmetrical Internet Communication*. Oxford internet Institute. [Electronic resource] URL: https://www.researchgate.net/publication/228389167_Language_Soft_Power_and_Asymmetrical_Internet_Communication.
7. Wilkinson, B. (2013). *The Attraction of Language: Language, Soft Power and the Narrative Fallacy*. Open University.
8. Boyarkina, A.V. (2014). The language and culture of China as an effective tool of “soft power” in the implementation of foreign policy of the PRC. *Theory and practice of social development*, 12, 115—117. (In Russ.).
9. Kovalevskaya, N.V. (2015). The role of the Spanish language as a “soft power” in the foreign policy of Spain. *Historical and socio-educational thought*, 7(5), part 2. (In Russ.).
10. *Historical and social educational ideas*. (2015), 7(5), part 2.
11. Pashaeva, G.M. (2017). Global English as a universal translator of “soft power”. *Discourse-PI*, 3—4 (28—29), 108—114.
12. Borda, Yu. “Soft power”. The best way to promote a language is a dialogue between science and culture. [Electronic resource] URL: https://aif.ru/society/education/myagkaya_sila_luchshiy_sposob_prodvizheniya_yazyka_-_dialog_nauki_i_kultury (accessed: 04.06.2021). (In Russ.).
13. Morozova, N.V. (2017). The spread of the Chinese language as a source of “soft power” of the PRC. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Political science, history, international relations, foreign regional studies, oriental studies*, 1, 106—112. (In Russ.).
14. Zhernovaya, O.R. & Smirnova, O.A. (2018). Language as an instrument of “soft power” of the state (on the example of the USA). *Vestnik ASU*, 4, 200—206. (In Russ.).
15. Lipatov, A.T. (2010). Russian language on the linguistic map of the world in the context of globalization. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky*, 4, 600—603. (In Russ.).
16. Bovt, G. *Soft power of the Russian word*. [Electronic resource] URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/myagkaya-sila-russkogo-slova> (accessed: 06.06.2021). (In Russ.).
17. Ardatova, E.V. (2015). Promotion of a positive image of the country in modern textbooks on the Russian language for foreigners as a component of “soft power”. *Actual problems of the humanities and natural sciences*, 7, 222—226. (In Russ.).
18. Kosyreva, M.S. (2017). Features of the development of the Russian language in the era of globalization. *History*, 28, 59—67. (In Russ.).

19. Maleev, A.A. (2017) National language as an instrument of soft power in Russia. *Politics and Society*, 3, 143—148. (In Russ.).
20. Molodov, O.B. (2017). Russian language as a tool for the use of "soft power" in the countries of Central Asia. *Discourse-PI*, 1, 93—100. (In Russ.).
21. Tildo, A. (2018). The Russian language as a soft power tool: the construction of national identity by the Kremlin. Estonian foreign policy institute. International Center for Defense and Security.
22. Berezovskaya, O.M. & Kiryanova, L.G. (2009). Trends in ethno-linguistic processes in the context of globalization of modern society. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 315(6), 144—148. (In Russ.).
23. Hosin, K.E. (2014). Globalization and the Russian language. Oran University. Oran. (In Russ.).
24. Basko, N.V. (2014). The development of the Russian language in the context of globalization. *Language policy and language conflicts in the modern world*. Moscow. (In Russ.).
25. Bulanov, S. Russian language as a way to get used to the global world. [Electronic resource] URL: <https://ruskiymir.ru/publications/187998/> (accessed: 14.06.2021). (In Russ.).
26. Kondrashkina, E.A. (2016). English and Russian languages in the context of globalization. *Literature*, 7, 39—43. (In Russ.).
27. Burlakov, I.I. (2017). The impact of globalization on the Russian language. *Language and text*, 4(4), 144—148. (In Russ.).
28. Odegova, O.V. (2017). *Globalization of language and culture: specificity and place in the system of global processes of our time*. Tomsk. (In Russ.).
29. Khodzhageldyev, B.D. & Shurupova, O.S. (2017). *Russian with an English flavor (the development of the Russian language in the era of globalization)*. Moscow: Biblio-Globus publ. (In Russ.).
30. *Language in a global context: the modern language situation as a consequence of the process of globalization*. (2018). Moscow. (In Russ.).
31. Dedkova, G.I. (2020). Internationalization of the language in the context of globalization: pros and cons. Development of language in the modern world. *Human capital*, 5, 71—75. (In Russ.).
32. Kirillina, A. Globalization and the fate of languages. *Literary newspaper*. [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-i-sudby-yazykov>. (In Russ.).
33. Access to culture in the European Union. European Parliamentary Research Service. European Union (2017).
34. Czyzewska, D. (2014). Challenges of multilingualism in the EU. *Poznan University of Economics Review*, 14(3), 85—95.
35. Dendrinis, B. (2018). Multilingualism language policy in the EU today: A paradigm shift in language education. *Training, Language and Culture*, 2(3), 9—28.
36. Ethnologue: Languages of the World. [Electronic resource] URL: <https://www.ethnologue.com/guides/ethnologue200> (accessed: 05.06.2021).
37. Ministry of the Interior of India. [Electronic resource] URL: <https://www.censusindia.gov.in> (accessed: 12.05.2021). (In Russ.).
38. Ghosh, I. The 100 Most Spoken Languages Around the World. [Electronic resource] URL: <https://www.visualcapitalist.com/100-most-spoken-languages> (accessed: 12.05.2021).
39. Interactive Atlas of Endangered Languages of the World. [Electronic resource] URL: <https://www.unesco.org/languages-atlas> (accessed: 14.05.2021). (In Russ.).
40. Spiritual views of Chokan Valikhanov. [Electronic resource] URL: <https://www.rusline.ru> (accessed: 14.05.2021). (In Russ.).
41. Kozin, N.G. (2012). *Russia. What's this? Looking for identities*. Moscow: Academic project publ.; Alma Mater publ. (In Russ.).
42. Egorov, V.G. & Shtol, V.V. (2017). Russian language — a factor of integration of the post-Soviet space. *International life*, 12. (In Russ.).
43. Suleimenov, O. (2005) *Az and Ya. The book of a well-meaning reader*. Moscow: Griffin publ. (In Russ.).

44. Khvostova, A. Türkisms in the Russian language. Concept, history of appearance, sound and examples. [Electronic resource] URL: <https://fb-ru.turbopages.org/fb.ru/s/article/432660/tyurkiznyi-v-russkom-yazyike-ponyatie-istoriya-poyavleniyya-zvuchanie-i-prinryi> (accessed: 24.05.2021). (In Russ.).
45. Etkind, A. (2011). *Internal Colonization. Russia's Imperial Experience*. Polity Press.
46. Vladimir Putin: Patriotism is an integral essence of our people. [Electronic resource] URL: https://ruskline.ru/news_rl/2014/04/17/vladimir_putin_patriotizm_neotemlemaya_sut_nasheg_o_naroda/ (accessed: 24.05.2021). (In Russ.).
47. Bovt, G. Soft power of the Russian word. [Electronic resource] URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/myagkaya-sila-russkogo-slova> (accessed: 07.06.2021). (In Russ.).
48. Index of the position of the Russian language in the world. Global Competitiveness Index (GC-index). Sustainability index in the post-Soviet countries (US-index). (2020). Moscow: State Institute of the Russian Language. A.S. Pushkin. (In Russ.).
49. Web of Science Core Collection. [Electronic resource] URL: www.webofscience.com; Scopus. URL: www.scopus.com.
50. Kozin, N.G. (2012). *Russia. What's this? Looking for identities*. Moscow: Academic project publ.; Alma Mater publ. (In Russ.).
51. Putin called the Russian language the basis of national identity. [Electronic resource] URL: <https://ria.ru/20200606/1572564122.html> (accessed: 25.05.2021). (In Russ.).
52. Novoselova, E. (2021). Do you speak Russian? *Russian newspaper*, 121. (In Russ.).
53. The instinct of self-preservation of the language. [Electronic resource] URL: <https://rusmir.media/2020/07/05/instinkt> (accessed: 11.06.2021). (In Russ.).
54. Ardatova, E.V. (2015). Promotion of a positive image of the country in modern textbooks on the Russian language for foreigners as a component of the “soft power” of Russia. *Actual problems of the humanities and natural sciences*, 7, 223—224. (In Russ.).
55. Crystal, D. (1997) *English as a Global Language Second edition*. Cambridge: Cambridge University Press.
56. Ahearne, J. (2002). French Cultural Policy Debates. *Psychology Press*.
57. Pushkin, Chekhov and Tchaikovsky will again answer for their interest in the Russian language. (2021). *Nezavisimaya Gazeta*, 107—108. (In Russ.).
58. Fact Sheets in the European Union. [Electronic resource] URL: <https://www.europart.europa.eu/factsheets/en/sheet/142/language-policy> (accessed: 04.06.2021).
59. Dendrinis, B. (2018). Multilingualism language policy in the EU today: A paradigm shift in language education. *Training, Language and Culture*, 2(3).
60. EU Languages. [Electronic resource] URL: https://europa.eu/european-union/about-eu/eu-languages_en (accessed: 07.06.2021).
61. Council of the Europe. Council conclusions on language competences to enhance mobility. [Electronic resource] URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/educ/126373.pdf (accessed: 05.06.2021).
62. Eurostat Statistics (2019). Foreign language skills statistics. [Electronic resource] URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php> (accessed: 05.06.2021).
63. Eurostat. Which are the most studied foreign language? (% of pupils at Lower Secondary Level). [Electronic resource] URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/news/thenes-in-the-spotlight/language-learning> (accessed: 05.06.2021).
64. Multilingualism online: “Language barriers” are a major challenge”. [Electronic resource] URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/headlines/economy/20180621STO06335/multilingualism-online-language-barriers-are-a-major-challenge> (accessed: 14.06.2021).
65. Franke, M. Fact sheets on the European Union: Language policy. [Electronic resource] URL: <http://www.europart.europa.eu/factsheets/en/sheet/142/language-policy> (accessed: 04.06.2021).
66. Kraus, P.A. & Kazlauskaitė, R. (2014). Addressing linguistic diversity in the European Union Strategies and dilemmas. *Ethnicities*, 14, 517—538.
67. Newsletter. URL: www.ecspm.org (accessed: 04.06.2021). (In Russ.).

68. Eurostat Statistics Explained. Migration and migrant population statistics. [Electronic resource] URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Migration_and_migrant_population_statistics#Migrant_population:_almost_22_million_nonEU_citizens_living_in_the_EU (accessed: 04.06.2021).
69. European Commission. Proposal for a Council Recommendation on a comprehensive approach to the teaching and learning of languages. [Electronic resource] URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-9229-2018-ADD-2/EN/pdf>. (accessed: 14.06.2021).
70. In Europe, speaking more than one language is still a privilege. [Electronic resource] URL: <https://www.europeandatajournalism.eu/eng/News/Data-news/In-Europe-speaking-more-than-one-language-is-still-a-privilege> (accessed: 08.06.2021).
71. Europa. Eurostat. [Electronic resource] URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Foreign_language_skills_statistics#Analysis_of_those_knowing_one_or_more_foreign_languages (accessed: 12.06.2021).
72. Pew Research Center. Speaking the national language at home is less common in some European countries. [Electronic resource] URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/01/06/speaking-the-national-language-at-the-home-is-less-common-in-some-european-countries/> (accessed: 12.06.2021).
73. Most European student's learn English in school. Pew Research Center. [Electronic resource] URL: <https://www.pewresearch.org-tank/2020/04/09/most-european-students-learn-english-in-school/> (accessed: 12.06.2021).
74. Euroenglish against multilingualism. [Electronic resource] URL: <https://www.bbc.com/russian/features-55707678> (accessed: 12.06.2021). (In Russ.).
75. Bell, D. (2004). The coming post-industrial society. Social forecasting experience. Moscow: Academia publ. [Electronic resource] URL: portal.fa.ru/www/kbhiab/data/store/ebe83253-9644-4f76-821c-1125273ba0ca/BellID._Gryaduschee_postindustrialjnoe_obschestvo.pdf (accessed: 12.06.2021). (In Russ.).
76. Friedman, Th.L. (2000). *The Lexus and the Olive Tree*. New York.
77. De Swaan, A. (2001). *Words of the World. The Global Language System*. Cambridge.
78. Odegova, O. The. *Globalization of language and culture: specificity and place in the system of global processes of our time*. Tomsk: TSU Publishing House. (In Russ.).
79. Esperanto, lingvo Internacia. [Electronic resource] URL: www.ethnologue.com (accessed: 07.06.2021).
80. Fairclough, N. (1994). *Discourse and Social Change*. Cambridge: Polity.
81. Macron stated that “capitalism has degraded and gone mad”. [Electronic resource] URL: www.tass.ru (accessed: 07.06.2021). (In Russ.).
82. Patriotism: Emotion or Action? [Electronic resource] URL: <https://www.hse.ru/news/science/> (accessed: 11.06.2021). (In Russ.).
83. Levontina, I.B. (2012). *Borrowings in the modern Russian language and the dynamics of the Russian language picture of the world // Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. / Constants and variables of the Russian linguistic picture of the world*. Moscow: Languages of Slavic Cultures publ. (In Russ.).
84. Khodzhegelydyev, B.D. & Shurupova L.S. (2017) *Russian with an English flavor (the development of the Russian language in the era of globalization)*. Moscow: Biblio-Globus publ. (In Russ.).
85. New digital terms are generally taken from American English. [Electronic resource] URL: <https://rusmir.media/2018/10/05/account> (accessed: 21.06.2021). (In Russ.).
86. Ryazanova-Clarke, L. (2018). Russian linguistic culture in the era of globalization: A turn to linguistic violence. [Electronic resource] URL: <https://www.research.ed.ac.uk/en/publications/russian-linguistic-culture-in-the-era-of-globalisation-a-turn-to-> (accessed: 21.06.2021).
87. Shimaev, R. “Soft power”, “cave Russophobes” and an alternative to “Wikipedia”: what Putin spoke about at a meeting of the Council on the Russian language. [Electronic resource] URL: <https://russian.rt.com/russia/article/684002-putin-sovet-russkii-yazyk-rusofobiya> (accessed: 07.06.2021). (In Russ.).

Сведения об авторе:

Егоров Владимир Георгиевич, д.и.н., д.э.н., профессор; директор научной школы Экономическая теория РЭУ им. Г.В. Плеханова; заведующий кафедрой международных отношений и геополитики транспорта Российского университета транспорта (МИИТ); *e-mail*: korrka@mail.ru ORCID 0000-0002-2473-8590, eLIBRARY SPIN-код: 9130-3997.

Information about the author:

Vladimir G. Egorov, Doctor of Historical Sciences, Doctor of Economics, Professor; Director of the scientific school Economic theory of the Plekhanov Russian University of Economics; Head of the Department of International Relations and Transport Geopolitics of the Russian University of Transport (MIIT); *e-mail*: korrka@mail.ru ORCID 0000-0002-2473-8590, eLIBRARY SPIN-code: 9130-3997.